

М. А. Жиркова¹, О. В. Капустина²

**«ЧЕЛОВЕК ЭТОТ ВЕСЬМА ПОЧТЕННЫЙ, ВОЕННЫЙ»:
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ПЕНСИИ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В. М. ЛЕРМОНТОВУ**

¹ Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия

² Отделение Фонда пенсионного и социального страхования
Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Россия

Поступила в редакцию 18.05.2025 г.

Принята к публикации 15.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-5

Для цитирования: Жиркова М. А., Капустина О. В. «Человек этот весьма почтенный, военный»: об установлении персональной пенсии республиканского значения В. М. Лермонтову // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 59—76. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-5.

Определены обстоятельства установления В. М. Лермонтову персонального пенсионного обеспечения республиканского значения, в частности обращено внимание на особенности назначения пенсий данного вида родственникам русских классиков, а также уточнена его биография, выяснена степень родства с поэтом. Авторы исследования руководствуются принципами историзма и научной объективности. Историко-биографический метод на основании анализа документов личного характера позволил выстроить историю жизни В. М. Лермонтова на фоне советской действительности. Основными источниками служат документы его личного (пенсионного) дела, в том числе заявление в адрес главного редактора изданий Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича; ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича, направленное заместителю председателя Совета министров СССР В. М. Молотову; биография В. М. Лермонтова; личный листок по учету кадров; мандат Революционного военного совета Кавказского фронта на право осмотра конных заводов и изъятие племенных лошадей; свидетельства о ранениях. Исследованные материалы подтвердили факт предварительного рассмотрения документов претендентов на персональное пенсионное обеспечение из числа родственников русских писателей и поэтов на уровне членов советского правительства, а также появления куратора этого процесса. В исследуемый период эти функции были возложены на заместителя председателя Совета министров СССР В. М. Молотова. Подчеркивается, что Владимир Михайлович не являлся прямым потомком М. Ю. Лермонтова, так что при рассмотрении пенсионных прав большую роль сыграли его собственные достижения в деле обеспечения Красной армии лошаадьми и развития на Северном Кавказе конных заводов. Факт ареста В. М. Лермонтова в 1931 г. исследованные документы подтверждают лишь косвенно. Важно, что в послевоенный период попадание претендента на персональное пенсионное обеспечение под репрессии 1930-х гг. не лишило его права на установление пенсии данного вида, хотя, возможно, не позволило назначить ему персональную пенсию союзного значения.

Ключевые слова: Михаил Юрьевич Лермонтов, Владимир Михайлович Лермонтов, Красная армия, конница, конный завод, персональное пенсионное обеспечение

Введение

В 2024 г. исполнилось 210 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова (1814–1841), а также 150 лет со дня рождения и 70 лет со дня смерти его родственника, героя Первой мировой войны, организатора конезаводов Северного Кавказа, персонального пенсионера республиканского значения Владимира Михайловича Лермонтова (1874–1954). Круглые даты всегда вызывают интерес к судьбам юбиляров, и если жизненный путь поэта изучен довольно хорошо, то жизнеописание его родственника содержит некоторые лакуны. Краткие сведения о роде знаменитого поэта и его родословная представлены в «Лермонтовской энциклопедии» [9, с. 468]. Подробнее родословная и жизненный путь Владимира Михайловича рассмотрены в книге В. М. Загорулько «Лермонтовы: Очерки о великом поэте и его родственниках». Автор рассказывает о своих встречах с родственниками поэта и приводит их воспоминания. В частности, он пишет о встрече с сыном Владимира Михайловича — Юрием Владимировичем Лермонтовым, жившим в Пятигорске, архив которого содержит документы, касающиеся его отца [7]. Сведения о военной карьере В. М. Лермонтова, бывшего кавалериста, полковника царской армии, участника трех войн, изложены в книге А. П. Михаленко [10, с. 55–71], а также в статье В. Соколова-Лермонтова [18].

Наибольший интерес в рамках нашей темы представляют исследование Т. П. Молчановой [11] и «Записки кавалериста», написанные самим Владимиром Михайловичем [8] и подготовленные к изданию представителями рода Лермонтовых. В первой книге даны подробные биографии практических всех родственников великого поэта, включая В. М. Лермонтова [11, с. 340–366]. «Записки кавалериста» доведены автором до 1931 г. Он рассказывает об истории своего рода, членах своей семьи, основных событиях собственной жизни. К «Запискам» приложены копии многочисленных документов, в том числе мандат, выданный ему 31 мая 1921 г. на право изъятия племенных лошадей для формирования поголовья советских конных заводов, и письмо В. Д. Бонч-Бруевича В. М. Молотову по поводу установления Владимиру Михайловичу персонального пенсионного обеспечения (документы сейчас находятся в пенсионном деле автора записок и будут прокомментированы нами ниже).

В некоторых работах отмечается назначение персональной пенсии В. М. Лермонтову как ближайшему родственнику поэта и за его личные заслуги [7, с. 77; 10, с. 57; 11, с. 364]. Тем не менее рассмотрение биографии Владимира Михайловича в контексте его пенсионных проблем проведено не было. Учитывая исследовательский интерес к судьбе родственника поэта, будет уместным изучить материалы хранящегося в

фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) личного дела персонального пенсионера республиканского значения В. М. Лермонтова.

Персональное пенсионное обеспечение было введено в РСФСР в феврале 1923 г. [12]. Создание союзного государства потребовало обновления системы пенсионного обеспечения граждан, имевших исключительные заслуги в области революционной, государственной, общественной, хозяйственной или культурной деятельности либо обороны Союза ССР, поэтому с 1928 г. [14] в Советском Союзе стала строиться трехуровневая система персональных пенсий – союзного, республиканского и местного значения.

Документы, подтверждающие статус персонального пенсионера, формировались в личные (пенсионные) дела. Каждое личное дело дает представление о заслугах получателя пенсии перед советским государством, помогает установить подробности его жизни и деятельности. При этом некоторые пенсионные дела содержат информацию, позволяющую раскрыть тот или иной аспект процедуры назначения пенсии этого вида.

В задачи нашего исследования входит уточнение биографии Владимира Михайловича Лермонтова на основании документов пенсионного дела. Предстоит выяснить степень его родства с поэтом, а также определить обстоятельства установления ему персонального пенсионного обеспечения, обратив внимание на особенности назначения пенсий родственникам русских писателей и поэтов.

Материалы и методы

В своей работе авторы руководствуются принципами историзма и научной объективности. Историко-биографический метод на основании анализа документов личного характера позволил выстроить историю жизни В. М. Лермонтова на фоне советской действительности.

Основными источниками послужили документы личного (пенсионного) дела В. М. Лермонтова, в том числе заявление в адрес главного редактора изданий Государственного литературного музея, доктора исторических наук В. Д. Бонч-Бруевича [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 65–65 об.]; ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича, направленное заместителю председателя Совета министров СССР В. М. Молотову [Там же, л. 10–13]; биография Лермонтова Владимира Михайловича, рожд. 1874 г., написанная им самим [Там же, л. 62–64 об.]; личный листок по учету кадров Лермонтова В. М. [Там же, л. 44–45 об.]; справка об увеличении персональной пенсии [Там же, л. 46–46 об.]; мандат Революционного военного совета Кавказского фронта на право осмотра конных заводов и изъятие племенных лошадей [Там же, л. 88]; свидетельства о ранениях [Там же, л. 98, 107, 108]¹. Следует заметить, что материалы личного дела В. М. Лермонтова исследованы не в полном объеме, так как с момента создания ряда документов еще не истек 75-летний срок [15].

¹ В цитируемых документах орфография и пунктуация подлинника приведены в соответствие современным нормам.

Обстоятельства установления В.М. Лермонтову персональной пенсии республиканского значения

Начать следует с описания процедуры установления персональной пенсии республиканского значения, действовавшей в РСФСР с 1 мая 1946 г. Согласно Положению о персональных пенсиях, утвержденному постановлением Совета министров РСФСР от 17 апреля 1946 г. [16], персональные пенсии республиканского значения назначались лицам, имевшим выдающиеся заслуги перед республикой в области революционной, партийной, военной, хозяйственной, культурной, профессиональной и другой общественной деятельности, советского строительства, науки, техники, литературы и искусства, а также лицам, имевшим почетные звания и награжденным орденами Союза ССР.

Персональные пенсии республиканского значения устанавливались Комиссией по назначению персональных пенсий при Совете министров РСФСР. Ходатайства об установлении пенсий этого вида могли возбуждаться перед этой комиссией теми союзными, республиканскими, областными и городскими организациями, учреждениями и ведомствами, где протекала деятельность лица, для которого испрашивалась персональная пенсия, либо непосредственно лицами, имевшими вышеперечисленные заслуг (право на получение пенсий союзного значения определялось Комиссией по персональным пенсиям при Совете министров СССР).

Негласно в утвержденную законодательством процедуру установления и дальнейшего увеличения персональных пенсий, причем с момента ввода в действие в 1923 г. декрета Совнаркома РСФСР «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой» [12], был встроены институт посредничества, на что авторы ранее уже обращали внимание [5].

Одной из наиболее интересных групп получателей персональных пенсий являются потомки и родственники русских писателей и поэтов. Претенденты на персональное пенсионное обеспечение обращались к известным общественным деятелям и деятелям культуры и искусства, а также к высокопоставленным советским чиновникам, которые, в свою очередь, ходатайствовали за них перед Министерством социального обеспечения РСФСР (до 1946 г. — Наркоматом социального обеспечения РСФСР) или перед руководителями советского государства, способными повлиять на мнение Комиссии по персональным пенсиям. Среди защитников их интересов были А.В. Луначарский, А.М. Горький и Е.П. Пешкова, П.И. Лебедев-Полянский, О.Ю. Шмидт, К.А. Федин.

Неоднократно роль посредника-помощника в решении пенсионных проблем родственников значимых для советского государства лиц играл Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955). В частности, в бытность управляющим делами СНК РСФСР он ходатайствовал перед официальными инстанциями о назначении пенсии вдове автора книги «Положение рабочего класса в России» [1] В.В. Берви-Флеровского

(1920) [4, ф. А413, оп. 2, д. 556, л. 1], после перехода на работу в Государственный литературный музей помогал в установлении пенсий дочери писателя Н.Н. Златовратского (1934) [4, ф. А539, оп. 3, д. 276, л. 7] и внучке писателя Н.Г. Чернышевского (1935) [Там же, оп. 5, д. 33, л. 11, 11 об., 21].

Именно В.Д. Бонч-Бруевичу В.М. Лермонтов 6 июня 1946 г. направил заявление следующего содержания:

Главному редактору Изданий Гослитмузея доктору исторических наук т. Бонч-Бруевичу Лермонтова Владимира Михайловича, потомка М.Ю. Лермонтова. Инвалида Отечественной войны. Проживающего в п. Воронино Усть-Кубинского района Вологодской области

Заявление

Препровождая при сем мою биографию и документы, подтверждающие сие, а также Родословное древо, родословную схему и герб М.Ю. Лермонтова как моего родственника, прошу Вашего ходатайства об установлении мне как старейшему потомку Лермонтова персональной пенсии и предоставления домика для жизни в Пятигорске, где погиб мой предок [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 65–66 об.].

Искушенный в «бюрократических играх» Владимир Дмитриевич несколько месяцев придерживал это письмо, не давая ему дальнейшего хода до осени. В итоге 9 октября 1946 г. он направил собственное ходатайство в адрес заместителя председателя Совета министров Союза ССР В.М. Молотова, в котором отразил знание особенностей процедуры назначения пенсий родственникам русских классиков, характерных для исследуемого периода: «Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Михайлович! Посылаю Вам письмо со всеми приложениями *по Вашему давнишнему указанию, чтобы в случае необходимости хлопот о пенсии наследников больших литераторов посылали именно все Вам*» [Там же, л. 10] (курсив наш. — М.Ж., О.К.). Получается, что до направления в конкретную Комиссию (союзную или республиканскую) документы родственников русских и советских классиков проходили негласный первичный контроль на уровне Совета министров СССР.

Также из текста данного обращения становятся понятны причины задержки ходатайства: «Как видите, я задержал это его письмо и документы у себя с июля месяца исключительно потому, что мне хотелось, чтобы эти документы пришли тогда, когда Вы будете в Москве и, может быть, найдете время, чтобы, что называется, одним глазом взглянуть на них» [Там же]. Конечно, ходатайство пошло бы дальше в соответствии с процедурой и без визы Молотова, но, вероятно, в таком случае полной уверенности в положительном решении вопроса у Владимира Дмитриевича не было.

Расчет В.Д. Бонч-Бруевича оказался верным, обеспечив рассмотрение вопроса о пенсионном обеспечении просителя в необходимом ключе. До октября 1946 г. В.М. Молотов вряд ли смог бы оказать личное содействие В.М. Лермонтову, так как принимал активное участие в работе второго этапа Второй (Парижской) сессии Совета министров ино-

странных дел (СМИД) с 15 июня по 12 июля 1946 г. и в Парижской мирной конференции (29 июля – 5 октября 1946 г.), созванной для рассмотрения проектов мирных договоров между государствами антигитлеровской коалиции и бывшими союзниками фашистской Германии в Европе.

Необходимость назначения В.М. Лермонтову персональной пенсии Владимир Дмитриевич обосновал как исходя из собственных достижений претендента, так и из факта его родства с поэтом. Большинству родственников и потомков русских классиков персональное пенсионное обеспечение устанавливалось именно за заслуги их знаменитых предков, поэтому среди получателей пенсии этого вида числятся А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, А.Н. Островский и т.д. Комментируя записки В.М. Лермонтова, В.Н. Цугулиев подчеркнул, что «после ухода из жизни Владимира Михайловича, ни одному представителю рода Лермонтовых персональная пенсия за родство с поэтом не назначалась» [8, с. 246]. Однако В.М. Лермонтов, как и братья и сестра А.П. Чехова, являются исключением из общего правила: несмотря на родственные связи с классиками, их пенсионные дела значатся под именами самих пенсионеров, что говорит об учете при назначении пенсии в первую очередь их личных заслуг перед советским государством.

Прежде всего, ходатай подчеркивает значимость деятельности В.М. Лермонтова в послереволюционный период: «Сохранение поголовья лошадей и укомплектование лошадьми конницы в период Гражданской войны на юге России, где, как известно, конница Будённого сыграла решающую роль. Конечно, без укомплектования лошадьми такой роли конница не сыграла бы» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 11]. Далее В.Д. Бонч-Бруевич обращает внимание В.М. Молотова на общегосударственное значение усилий Владимира Михайловича по увеличению конского поголовья в стране: «Долголетние работы по конской специальности содействовали восстановлению коневодства в СССР, что тесно связано как с экономическим развитием государства, так и [с] обеспечением боеспособности армии» [Там же, л. 12].

Родство с классиком Владимир Дмитриевич называет только в качестве третьей причины необходимости оказания государственной поддержки претенденту на пенсионное обеспечение: «Принадлежность к вымершему роду поэта М.Ю. Лермонтова как старшего представителя этого рода дает основание озаботиться о благополучном дожитии В.М. Лермонтова» [Там же]. При этом ходатай отмечает факт предоставления родственником поэта следующих документов: родословной Михаила Юрьевича Лермонтова, родословной рода Лермонтовых и герба Лермонтовых. Сам Владимир Михайлович в «Биографии» сообщает об уже состоявшейся передаче ценных экспонатов, связанных с именем поэта, в три музея – в Усадьбу-музей Лермонтова в Тарханах, в Музей-домик Лермонтова в Пятигорске и в Государственный литературный музей [Там же, л. 64 об.].

Передача претендентами семейных реликвий в исторические (краеведческие) или литературные музеи приветствовалась советским государством и учитывалась при предоставлении дарителям персонального пенсионного обеспечения. Сведения о подобных дарах имеются в пенсионных делах, на основании которых выплачивались пенсии сестре А.П. Чехова [Там же, оп. 3, д. 1864, л. 10], внучке Н.Г. Чернышевского [Там же, оп. 5, д. 33, л. 21], снохе Ф.М. Достоевского [Там же, оп. 3, д. 4533, л. 4], внучатой племяннице А.С. Пушкина [Там же, оп. 4, д. 7162, л. 5].

Продолжая анализ обращения В.Д. Бонч-Бруевича к В.М. Молотову, можно с уверенностью сказать, что ходатай успел лично пообщаться с претендентом на персональную пенсию. В частности, он подчеркнул, что В.М. Лермонтов – «участник Гражданской войны и очень много рассказывает интересного из этой замечательной эпохи нашей Октябрьской революции» [Там же, оп. 1, д. 814, л. 12]. Заслуживает внимания и следующая информация: «Я спросил его, когда он будет жить в покое и, может быть, в Пятигорске, чтобы он написал свои подробные записки об эпохе Гражданской войны, тем более что он был много времени близко к Ворошилову и Буденному» [Там же, л. 12, 13]. Также Бонч-Бруевич сообщил о желании В.М. Лермонтова «последние свои годы посвятить уходу за могилой и местом, где была дуэль Лермонтова, чтобы и то, и другое были всегда в надлежащем порядке» [Там же, л. 12]. В завершение В.Д. Бонч-Бруевич не преминул упомянуть заветы В.И. Ленина и важность рассказов Владимира Михайловича для будущего поколения.

Продолжая характеризовать процедуру установления персональных пенсий, следует отметить характерную для претендентов традицию ссылаться на личное знакомство с высокопоставленными лицами. Членами Комиссии по назначению персональных пенсий упоминаемые партийные и советские лидеры воспринимались как свидетели заслуг заявителей. Именно поэтому В.М. Лермонтов отразил в своей «Биографии» следующие факты: «В течение многих лет служил под начальством маршала К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного, которые хорошо меня знают» [Там же, л. 62 об.]; «в 1923 году приводил в Москву на с/х выставку 40 лошадей конских заводов Северного Кавказа. Возвращаясь с выставки вместе с С.М. Буденным и идя по Воздвиженке, мы встретили вышедшего из Кремля И.В. Сталина. При встрече Иосиф Виссарионович поздоровался с нами, интересовался производством лошадей, дал указания и советы и пожелал успеха в дальнейшей работе» [Там же, л. 63 об.].

В итоге в 1947 г. В.М. Лермонтов стал получателем персональной пенсии республиканского значения в размере 300 руб. [Там же, л. 47]. В 1948 г. В.М. Лермонтов подал заявление на имя министра социального обеспечения РСФСР А.Н. Сухова [Там же, л. 47–47 об.] об увеличении размера пенсии или об установлении персональной пенсии союзного значения. Однако это ходатайство было отклонено (протокол №46 от 22 сентября 1948 г.) [Там же, л. 46–46 об.].

Насколько улучшилось материальное благосостояние Владимира Михайловича после назначения ему персональной пенсии республиканского значения, можно понять, проанализировав нормативные акты, регламентировавшие установление пенсий этого вида в исследуемый период, его заявление от 1948 г., личный листок по учету кадров и статистические данные МСО РСФСР о размерах пенсий на 1952 г.

В вышеупомянутых документах имеются следующие сведения о трудоспособности Владимира Михайловича и его материальном обеспечении: «в Отечественную войну в 1942 г. был трижды ранен; один из невынутых осколков остался в правом легком. Признан инвалидом Отечественной войны II группы» [Там же, л. 45 об.] и «все время получал пенсию 225 р., которая после установления персональной пенсии отменена» [Там же, л. 47 об.]. Также в заявлении 1948 г. В.М. Лермонтов сообщает о нахождении у него на иждивении жены-инвалида и сына, получающего образование в городе Дзауджикау (Владикавказ) в Северной Осетии.

С 1932 г. в СССР пенсионное обеспечение по инвалидности осуществлялось по трем группам (ранее использовалась шестигрупповая система): третья (рабочая) группа устанавливалась при частичной утрате трудоспособности; вторая — при полной нетрудоспособности тем гражданам, которые могли себя обслуживать самостоятельно; первая — самым тяжелобольным, при полной нетрудоспособности дополнительно нуждающимся в постороннем уходе или надзоре.

Согласно Положению о персональных пенсиях от 1946 г. [16] размер персональной пенсии республиканского значения в РСФСР определялся в каждом отдельном случае в зависимости от заслуг лица, которому назначалась пенсия, степени утраты им трудоспособности, числа находившихся на его иждивении лиц, а также от его заработка перед обращением за назначением пенсии. При этом он не мог превышать 1200 руб. Правда, в 1948 г. максимальный размер республиканской персональной пенсии был снижен до 600 руб. [13].

В итоге получилось, что нетрудоспособный инвалид 2-й группы, имевший на своем иждивении жену-инвалида и помогающий сыну-студенту, получил одну четвертую часть возможной пенсии (в 1948 г. — 50 % от максимума), увеличив свое благосостояние на 75 руб. Впрочем, статус персонального пенсионера обеспечивал право на предоставление дополнительной жилой площади, квартирную оплату в объеме 50 %, налоговые льготы, преимущественное право на специализированную медицинскую помощь во всех ее видах, бесплатное пользование общественным транспортом.

В тяжелое послевоенное время многие пенсионеры были обеспечены значительно хуже. Для сравнения приведем имеющуюся в нашем распоряжении статистику о размерах пенсий, выплачиваемых в системе Министерства социального обеспечения РСФСР в 1952 г. Эти сведения можно применить и к рассматриваемому нами 1946 г., так как пенсии и в начале 1950-х гг. назначались по нормам довоенного и военного времени. В 1952 г. ежемесячные пенсии в России устанавливались в сле-

дующих пределах: инвалидам империалистической (Первой мировой) войны — от 13 руб. 50 коп. до 37 руб. 50 коп.; инвалидам Гражданской войны — от 37 руб. 50 коп. до 97 руб. 50 коп.; инвалидам Отечественной войны из числа рядового, сержантского и старшинского состава — от 56 руб. 00 коп. до 500 руб.; пенсионерам по старости (мужчинам, достигшим 60 лет при трудовом стаже 25 лет, женщинам — 55 лет при трудовом стаже 20 лет) — от 50 руб. 00 коп. до 180 руб. [4, ф. А413, оп. 4, д. 426, л. 2] (пенсионное обеспечение офицеров и сверхсрочнослужащих с 1926 г. в СССР осуществлялось в рамках ведомственных систем).

Каким ведомством В.М. Лермонтову была назначена пенсия по инвалидности 2-й группы (МСО РСФСР, Министерства обороны или МВД), из доступных для исследования материалов пенсионного дела неясно.

Что касается предоставления дополнительной жилой площади, то свой век В.М. Лермонтов доживал, как и мечтал, в Пятигорске, где «определился на постоянное жительство при содействии маршала т. Ворошилова» [Там же, оп. 1, д. 814, л. 47 об.]. Интересно, что переезду Владимира Михайловича на Северный Кавказ все же поспособствовал его бывший начальник, а не Комиссия по назначению персональных пенсий. Впрочем, может быть, К.Е. Ворошилов по поводу переезда Лермонтова в Пятигорск обращался именно к названную комиссию.

О семье В.М. Лермонтова и о степени его родства с поэтом

В «Биографии» Владимир Михайлович Лермонтов называет себя самым старейшим из оставшихся в живых Лермонтовых, подчеркивая при этом, что потомков Михаила Юрьевича Лермонтова осталось очень мало [Там же, л. 62 об.]. В.Д. Бонч-Бруевич в письме к В.М. Молотову определяет его родство с поэтом несколько иначе: «...я посылаю материалы единственного в настоящее время прямого родственника и наследника Михаила Юрьевича Лермонтова. С исчезновением этого Лермонтова, который уже находится в преклонном возрасте, род Лермонтовых прекращается» [Там же, л. 10].

Согласно Словарю русского литературного языка, прямой потомок — это наследник (потомок) *по прямой линии родства* или состоящий в более близком родстве, чем другие [17, стлб. 1601]. Более точные сведения о своем родстве с поэтом опять-таки сообщает сам Владимир Михайлович: «Происхожу я из рода Лермонтовых. У моего пр. пр. пр. деда Юрия Евтихия Петровича Лермонтова, рожд. 1688 года, было три сына: старший — Матвей Юрьевич, по линии которого происхожу я, второй сын — Петр Юрьевич, по линии которого произошел поэт Михаил Юрьевич Лермонтов, и третий сын Яков Юрьевич, который был бездетен» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 62]. Линия Петра Юрьевича как раз обрывается на поэте, не оставившем после себя потомков.

Возвращаясь к утверждению В.Д. Бонч-Бруевича о прекращении рода Лермонтовых, нужно сказать, что у Владимира Михайловича и его

первой жены Александры Александровны Потоцкой (1880–1948) было пятеро детей: Михаил (1898–1942), Владимир (1899–1974), Алла (1901–1986), Борис (1902–1920), Татьяна (1906–2001), а от второй жены – Марии Владимировны (урожденной фон дер Лауниц, 1886–1959) – двое: Ирина (1921–2012) и Юрий (1928–2009). В «Биографии» о своей семье претендент на персональную пенсию сообщил следующее:

Старший мой сын Михаил Владимирович Лермонтов был призван в Красную армию 4 декабря 1941 года, а 12 февраля 1942 года был сожжен на фронте фашистами. Сын Борис был убит, и дочь Алла погибла во время эвакуации. Из сыновей остался в живых капитан кавалерии Владимир Владимирович Лермонтов, награжденный за оборону Кавказа, он художник, приобрел известность своей работой <...> Со мной живет младший сын Юрий Владимирович, ученик 10 класса, дочь Ирина Владимировна Лермонтова, жена Мария Владимировна [Там же, л. 64].

Перечисляя своих детей, В.М. Лермонтов не упоминает Татьяну, которая, скорее всего, жила со своим сыном отдельно, и сообщает неверные сведения о гибели Аллы, возможно, не зная о ее судьбе. Так, в личном листке по учету кадров Владимир Михайлович записал: «На территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны, ни я, ни моя семья не находились» [Там же, л. 45]. В настоящее время установлено, что во время Великой Отечественной войны семья Аллы Владимировны (в замужестве – Гунгер) жила в Ростове-на-Дону, оккупированном немцами, и была вывезена в Германию, в дальнейшем им было разрешено поселиться в Англии [8, с. 311].

Таким образом, В.М. Лермонтов не был прямым потомком поэта. Ветви рода Лермонтовых разошлись в XVII–XVIII вв., и род поэта действительно пресекся, тогда как род Владимира Михайловича, несмотря на гибель двух его сыновей, продолжился.

Возможно, в своем обращении к В.М. Молотову В.Д. Бонч-Бруевич, говоря о пресечении рода Лермонтовых, все же немного лукавил ради достижения своей цели – установления Владимиру Михайловичу персональной пенсии. В обращениях в Комиссию по назначению персональных пенсий или к посредникам, способным повлиять на решения названной Комиссии, было принято рассказывать не только о заслугах претендента, но и об их бедственном положении, в том числе о материальных трудностях, плохом состоянии здоровья, печальных событиях в семьях.

В заключение нужно отметить еще один интересный факт из «Биографии» претендента, который напрямую не касался его проблем, но украшал родословную: «от пр. пр. деда Матвея произошел Юрий, от которого произошел мой прадед Матвей Юрьевич Лермонтов, он был женат на Дарье Ильинишне Юшковой, тетке Льва Николаевича Толстого, родной сестре Пелагеи Ильинишны Юшковой, которая воспитывала Льва Николаевича после смерти его матери» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 62]. Однако в современной родословной Лермонтовых указано

другое отчество жены Матвея Юрьевича Лермонтова (1772–1846) – Дарья Ивановна Юшкова [8, с. 244], тогда как тетка Л.Н. Толстого Пелагея Ильинична Юшкова была урожденной Толстой, а Юшковой – по мужу.

Этапы жизненного пути В.М. Лермонтова

Характеризуя В.М. Лермонтова, В.Д. Бонч-Бруевич говорит о нем так: «Человек этот весьма почтенный, военный и до сих пор бодрый, работающий у нас в провинции» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 11]. Действительно, вся жизнь претендента на пенсионное обеспечение была связана со служением Отечеству. В 1914–1916 гг. В.М. Лермонтов принимал участие в Первой мировой войне, которую закончил в чине полковника 12-го гусарского Ахтырского полка, имел награды и три контузии (в пенсионном деле находятся свидетельства о ранениях 6 октября 1914 г., 14 февраля 1915 г. и 1 мая 1915 г. [Там же, л. 98, 107, 108]).

С момента организации Красной армии, то есть с 1918 г., до демобилизации по возрасту в 1928 г. В.М. Лермонтов служил в кавалерии под начальством К.Е. Ворошилова и С.М. Будённого. Последний в мемуарах подчеркивал:

События показали, что Деникин имел успех прежде всего потому, что его армия состояла в подавляющем большинстве из наиболее маневренно-го и боеспособного в тот период рода войск – казачьей конницы. <...> Перед страной со всей очевидностью стояла необходимость создания своей массовой кавалерии и при этом крупных конных соединений, так как мелкие кавалерийские части не давали желаемого эффекта в борьбе с конными корпусами и объединениями корпусов белых [2, с. 254–255].

Именно Владимир Михайлович трудился над решением этой проблемы. В 1919 г. он стал председателем Особой центральной комиссии по обеспечению Восточного фронта лошадьми:

Вначале был командирован на Восточный фронт в г. Симбирск, затем в Саратов, где поставлял лошадей для Восточного и Туркестанского фронтов. Все указания и распоряжения получал от С.С. Каменева и М.В. Фрунзе. В июне 1920 года Всероссийским Главным штабом за хорошую работу был назначен начальником Управления ремонта конским составом Кавказского фронта в Ростове н/Д, где организовал 26 ремонтных комиссий на Северном Кавказе и Закавказье и поставил для Кавказского и Крымского фронтов 28 000 лошадей [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 62 об. – 63].

Кроме работы по укомплектованию лошадьми воинских частей В.М. Лермонтов занимался организацией советских конезаводов, для чего искал чистокровных производителей. В его пенсионном деле имеется мандат Реввоенсовета Кавказского фронта [Там же, л. 88], согласно которому он в качестве члена Реввоенсовета, начальника Управления коннозаводства и коневодства на территории Кавказского фронта имел право осмотра лично или через подведомственных лиц конских заво-

дов, рассадников, питомников, заводских конюшен, случных пунктов, а также племенных лошадей, находившихся в частях и учреждениях. Он имел право и изымать племенных лошадей из воинских частей, совхозов и всех советских учреждений. Для выполнения поставленных целей мандат разрешал бесплатное и беспрепятственное пользование телефоном и телеграфом, переезд по железным дорогам и водным путям, ношение холодного и огнестрельного оружия.

Поскольку первые советские конезаводы создавались в советской республике в условиях Гражданской войны, зачастую их приходилось защищать. В «Биографии» В.М. Лермонтов сообщал следующее: «В 1920 году, осенью, когда белые с Улагаем высадились на побережье Азовского моря, я немедленно выехал туда и перебросил от Ахтарей к Краснодару конский завод в 600 голов и весь чистокровный конский состав из Краснодара перевел сначала к станции Кавказской, а затем на Коцебу, где организовал чистокровный конский завод “Восход”» [Там же, л. 63].

К концу Гражданской войны у Владимира Михайловича появилась еще одна забота. Как свидетельствовал С.М. Будённый, «части разбитых донских корпусов, лишённые единого и твердого командования, рассыпались на группы, бросали орудия и пулеметы, бросали больных и раненых, бросали исхудалых, выбившихся из сил лошадей» [2, с. 433]. Это явление приобретало массовый характер. Живший в Алуште в 1918–1920-х гг. писатель И.С. Шмелёв рассказывал об этом так:

Умирающие кони... Я хорошо их помню. Осенью много их было, брошенных ушедшей за море армией добровольцев. Они бродили. Серые, вороные, гнедые, пегие... Ломовые и выездные. Верховые и под запряжку. Молодые и старые. Рослые и «собачки». Лили дожди. А когда бродили по виноградникам и балкам, по пустырям и дорогам, ломались в сады, за колючую проволоку, резали себе брюхо [19, с. 234].

В.М. Лермонтову приходилось по мере возможности спасать брошенных лошадей:

После того, как белые были разбиты и бежали с побережья на теплоходах в Крым, бросив у Новороссийска большое количество лошадей, я выехал туда, отобрал 2400 лошадей и перевел их на станцию Кавказскую и разместил их в 4-х совхозах, организовав там санаторий для больных лошадей. Часть лошадей сдал в ремонт армии Кавказского фронта, часть отправил на конские заводы в Сальские степи, часть лошадей была оставлена на лечение в совхозе «Старый хутор» и часть лошадей была роздана населению [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 63].

Послужной список Владимира Михайловича периода Гражданской войны отражает его многочисленные разъезды по стране: Тамбовская область, Симбирск (Ульяновск), Саратов, Ростов, Москва — фактически с одной целью — обеспечения армии конным составом. При этом он занимал руководящие должности: председатель ремонтной комиссии

по приему лошадей, председатель Особой центральной комиссии по поставкам лошадей для Восточного и Туркестанского фронтов, начальник Управления ремонта конским составом Кавказского фронта и т. п.

С октября 1922 г. по октябрь 1925 г. В.М. Лермонтов был направлен в Москву или, как записано в личном листке по учету кадров, «командирован к главнокомандующему всеми Вооруженными Силами республики» [Там же, л. 44 об.]. В 1925 г. он вернулся сначала в Ростов, потом на Северный Кавказ, где занимал следующие должности: специалист по коннозаводству и коневодству Северо-Кавказского Донского земельного управления (октябрь 1925 – февраль 1927 г.), зоотехник по коневодству Крайсельсоюза и Животноводства Северного Кавказа (февраль 1927 – март 1928 г.), старший специалист по коневодству Облконсоюза (март 1928 – апрель 1929 г.), заведующий племенной частью Стрелецкого чистокровного конного завода (апрель 1929 – май 1931 г.) [Там же].

В 1931 г. случилась беда: «Владимир Михайлович Лермонтов был арестован. Его судила так называемая “тройка”» [11, с. 361]; страшно пытали, приговорили к десяти годам заключения и отправили на строительство Беломорско-Балтийского канала (ББК), где он работал начальником транспортной части Онежского леспромхоза и отвечал за гужевой транспорт, то есть за лошадей [Там же, с. 362]. Освобожден досрочно в 1936 г. Что стало причиной ареста? По сведениям Т.П. Молчановой, В.М. Лермонтов знал конкретных доносителей, которые ненавидели его только за то, что он дворянин и царский офицер. Также имело место желание занять его должность и выслужиться, получив новые привилегии [Там же, с. 361]. Согласно интернет-публикации Лермонтовского общества, конкретным поводом для ареста стал падеж лошадей на одном из конезаводов [3].

В графе 35 личного листка по учету кадров на вопрос «привлекался ли к судебной ответственности (кем, когда, за что) и решение суда» Владимир Михайлович записал: «Судимости не имею. Избирательных прав никогда не лишался» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 45 об.]. Судимость с него, как отмечают биографы, действительно, была снята 26 мая 1945 г. [8, с. 250]. Ни в «Биографии», ни в послужном списке В.М. Лермонтова факты его ареста и приговора к заключению на 10 лет никак не отражены.

В «Биографии» о периоде 1931–1941 гг. он написал: «В конце января 1931 года ко дню 50-летнего юбилея Климента Ефремовича Ворошилова отправил из Стрелецкого конного завода коня “Друга”. В 1936 году был назначен Начальником конного транспорта Беломоро-Балтийского комбината. В 1939 году был назначен начальником конного транспорта в орденноносный пушсовхоз Карело-Финской ССР» [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 63 об.]. Также в «Биографии» заявитель сообщал о работе в системе НКВД (МВД) в течение десяти лет, имея в виду, вероятно, 1936–1946 гг. и указав в качестве последнего места данной ра-

боты и жительства совхоз «Воронино» МВД Вологодской области. Последняя занимаемая должность — «зоотехник по коню» [Там же, л. 64]. При этом он опять-таки указал, что судимости не имеет [Там же]. Также факт пребывания на ББК подтвержден листком по учету кадров. Но записи дат в личном листке по учету кадров выглядят несколько сомнительно. Перед арестом — с апреля 1929 по май 1931 г. — заведующий племчастью Стрелецкого чистокровного завода (Центральная Черноземская область), а следующая должность (май 1931?/6? — июнь 1939) — начальник конного транспорта и зоотехник по коню ББК МВД. Возникает вопрос по датировке: то ли 1936 г. исправили на 1931, то ли наоборот [Там же, л. 44 об.]. Скорее всего, это 1936 год. По свидетельству дочери Владимира Михайловича Ирины, «в 1936 году за хорошую работу в лагере срок наказания папе был снижен до пяти лет, и он был оставлен работать по вольному найму, осуществляя руководство гужевым транспортом Беломорканала» [8, с. 104]. Пять лет лагерей (1931 — 1936) выпали из официально подтвержденной трудовой деятельности.

В 1939—1941 гг. В.М. Лермонтов работал в прежних должностях в Пушсовхозе МВД; в 1941—1942 гг. начальником конной базы 1-го армейского стройуправления Финского фронта. В 1942—1945 гг. продолжил трудовую деятельность в Каргопольлаге. Далее листок по учету кадров содержит сведения о работе претендента на персональное пенсионное обеспечение с 1945 по 1947 г. в Мелитополе [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 44 об.], тогда как в письме к В.Д. Бонч-Бруевичу от 1946 г. указан адрес «п. Воронино Усть-Кубинского района Вологодской области» [Там же, л. 65]. Ирина Владимировна, в свою очередь, подтверждает работу в Воронино Вологодской области, затем в Мелитополе и последующий переезд в 1946 г. в Пятигорск [8, с. 110]. Интересно, что, даже переехав в 1947 г. в город гибели поэта, Владимир Михайлович продолжил работать в системе МВД [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 44 об.].

В графе «Служебный стаж» справки об увеличении персональной пенсии от 1946 г. имеются следующие данные: Стрелецкий конзавод, начальник племенной части, 1930—1936; Беломоро-Балтийский комбинат, 2-е Онежское отделение НКВД, начальник гужевой части, 1939—1941; 1-е армейское стройуправление НКО, с. Пудож, начальник гужевой базы, 1941; 14 ОЛП НКВД, начальник гужевой части, 1941; зав. гужевого транспорта 1942—1945; ИТК №2 НКВД, старший зоотехник, 1945 [Там же, л. 46 об.]. В этом документе пропали сведения уже за 1936—1939 гг.

Если племяннику Ф.М. Достоевского географу А.А. Достоевскому факт его ареста в 1930 г. по «Академическому делу» не позволил стать персональным пенсионером [6], то арест и последующая «работа в системе НКВД (МВД)» не лишила В.М. Лермонтова права на установление ему персональной пенсии, хотя, возможно, повлияла на ее статус. Несмотря на заслуги общегосударственного масштаба, ему была назначена пенсия республиканского, а не союзного значения. Тем не менее в исследуемых документах заслуживает внимания умолчание факта по-

падания под репрессии 1930-х гг.: работа на Беломоро-Балтийском комбинате и в совхозе МВД отражена в общем перечне рабочих мест Владимира Михайловича без каких-либо пояснений в прилагаемых документах. Возможно, именно из-за этих фактов биографии В. М. Лермонтова В. Д. Бонч-Бруевич терпеливо дожидался возвращения из командировок В. М. Молотова, способного положительно повлиять на решение об установлении персональной пенсии.

Согласно «Биографии», во время Великой Отечественной войны (в 1941 г. В. М. Лермонтову исполнилось 67 лет) претендент служил в 1-м армейском стройуправлении оборонстроя Наркомата обороны при Финском фронте. В 1942 г. при переводе лошадей из одной части в другую, как было сказано выше, был ранен тремя пулями при налете немецкой авиации. После выздоровления и освобождения от военной службы продолжил работать в НКВД [4, ф. А539, оп. 1, д. 814, л. 64].

Заключение

Подводя общие итоги, следует сказать, что материалы исследованного личного дела персонального пенсионера В. М. Лермонтова позволили выяснить ряд фактов его биографии и деталей порядка назначения персональных пенсий.

Прежде всего обращает на себя внимание процедура установления персонального пенсионного обеспечения претендентам на данный вид пенсии из числа потомков и родственников «больших литераторов». Письмо В. Д. Бонч-Бруевича подтверждает факт предварительного рассмотрения их документов на уровне членов советского правительства и появления куратора этого процесса. В исследуемый период им был заместитель председателя Совета министров СССР В. М. Молотов.

Следующий интересный момент — уточнение степени родства Владимира Михайловича с поэтом. Важно, что сам В. М. Лермонтов признает расхождение ветвей рода Лермонтовых в конце XVII в., что подтверждает невозможность признания его прямым потомком Михаила Юрьевича.

В заключение необходимо подчеркнуть заслуги персонального пенсионера в области советского коневодства и коннозаводства. Отметим, что в послевоенный период факт попадания претендента на персональное пенсионное обеспечение под репрессии 1930-х гг. не лишил его права на установление пенсии данного вида.

Список литературы

1. Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869.
2. Буденный С. М. Пройденный путь. М., 1959.
3. Владимир Михайлович Лермонтов — герой Первой мировой войны и Великой Отечественной войны // ООО «Время Лермонтова». URL: https://vk.com/wall-68664163_4817 (дата обращения: 01.08.2025).
4. Государственный архив Российской Федерации.

5. Жиркова М. А., Капустина О. В. «В недрах Наркомпроса заявление мое затерялось»: прошения и ходатайства о персональном пенсионном обеспечении В. Г. Успенской – дочери Г. И. Успенского // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 64–79.
6. Жиркова М. А., Капустина О. В. Интеллигент в советской пенсионной системе начала 1930-х гг.: «Пенсионная история» А. А. Достоевского // Интеллигенция и мир. 2022. №4. С. 69–89.
7. Загорулько В. И. Лермонтовские яблоки // Загорулько В. И. Лермонтовы: Очерки о великом поэте и его родственниках. СПб., 1998. С. 75–78.
8. Лермонтов В. М. Записки кавалериста / сост. В. Н. Цугулиев. М., 2011.
9. Мануйлов В. А. Род Лермонтовых // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981. С. 467–470.
10. Михаленко А. П. И жили дружною семьею солдат, корнет и генерал. По страницам полковой летописи Ахтырского гусарского полка. М., 2001.
11. Молчанова Т. П. Лермонтовы. 1613–2013. Российский род шотландского происхождения. М., 2014.
12. О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. №15. Ст. 198.
13. О персональных пенсиях республиканского и местного значения: постановление Совета министров РСФСР от 3 августа 1948 г. №805 // СП РСФСР. 1948. №8. Ст. 50.
14. О персональных пенсиях : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. №35. Ст. 315.
15. Об архивном деле в Российской Федерации : федер. закон от 22 октября 2004 г. // Российская газета. 2004. 27 окт.
16. Положение о персональных пенсиях : постановление Совета министров РСФСР от 17 апреля 1946 г. №242 // СП РСФСР. 1946. №5. Ст. 21.
17. Словарь русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1961. Т. 11 : Пра – пятью.
18. Соколов-Лермонтов В. Из рода Лермонтовых // Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ : сб. произведений, посвященных творчеству М. Ю. Лермонтова. Ставрополь, 2014. С. 84–95.
19. Шмелев И. С. Солнце мертвых // Бунин И. А. Окаянные дни. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Шмелев И. С. Солнце мертвых. М., 2021. С. 201–382.

Об авторах

Марина Анатольевна Жиркова – канд. филол. наук, доц., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

E-mail: manp@mail.ru

Ольга Владимировна Капустина – канд. ист. наук, заместитель начальника отдела организации заблаговременной работы, Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-3473-5916

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru

М. А. Zhirkova¹, О. V. Kapustina²

"THIS MAN IS A VERY RESPECTABLE MILITARY MAN":
ON THE ESTABLISHMENT OF A PERSONAL NATIONAL
RETIREMENT BENEFIT TO V. M. LERMONTOV

¹ Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Saint Petersburg,
Pushkin, Russia

² Branch of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation
for the Vladimir Region, Vladimir, Russia

Received 18 May 2025

Accepted 15 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-5

75

To cite this article: Zhirkova M. A., Kapustina O. V. 2026, "This man is a very respectable military man": on the establishment of a personal national retirement benefit to V. M. Lermontov, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 1. P. 59 – 76. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-5.

The circumstances of granting V. M. Lermontov a personal national retirement benefit are identified; in particular, attention is paid to the specific features of assigning pensions of this type to relatives of Russian literary classics, his biography is уточнена, and the degree of kinship with the poet is established. The authors of the study are guided by the principles of historicism and scholarly objectivity. The historical and biographical method, based on the analysis of documents of a personal nature, made it possible to reconstruct the life history of V. M. Lermontov against the background of Soviet reality. The main sources include documents from his personal (pension) file, including an application addressed to the editor-in-chief of the publications of the State Literary Museum V. D. Bonch-Bruевич; a petition by V. D. Bonch-Bruевич addressed to the Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR V. M. Molotov; a biography of V. M. Lermontov; a personal personnel record sheet; a mandate of the Revolutionary Military Council of the Caucasian Front granting the right to inspect stud farms and requisition breeding horses; and certificates of wounds. The analyzed materials confirm the fact that documents of applicants for personal national retirement benefit from among relatives of Russian writers and poets underwent preliminary consideration at the level of members of the Soviet government, as well as the emergence of a curator of this process. During the period under study, these functions were assigned to the Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR V. M. Molotov. The study emphasizes that Vladimir Mikhailovich was not a direct descendant of M. Yu. Lermontov; therefore, when pension rights were considered, a greater role was played by his own achievements in supplying the Red Army with horses and in developing stud farms in the North Caucasus. The examined documents confirm the fact of V. M. Lermontov's arrest in 1931 only indirectly. Importantly, in the postwar period, the fact that an applicant for a personal pension had been subjected to repression in the 1930s did not deprive him of the right to receive a pension of this type, although it may have prevented the assignment of a personal national retirement benefit.

Keywords: Mikhail Lermontov, Vladimir Lermontov, Red Army, cavalry, stud farm, personal retirement benefit provision

The authors

Dr Marina A. Zhirkova, Associate Professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Saint Petersburg, Pushkin, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

E-mail: manp@mail.ru

Dr Olga V. Kapustina, Deputy Head of the Advance Work Organization Department, Pension and Social Insurance Fund of Russia in the Vladimir region, Vladimir, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-3473-5916

E-mail: olga.kapustina209@yandex.ru